
Август
на запасной дорожке
Pustoy

Pustoy Pustoy
Август на запасной дорожке

https://litres.ru/75026299
SelfPub; 2026

Аннотация

У бегуньи Анны Грибовой есть одно лето, чтобы заслужить контракт на следующий сезон, и родительская квартира, которую пора освободить. В город детства она приезжает разобрать вещи. На запасной дорожке открытого бассейна Аня встречает Илью Плотникова. Он учит детей музыке, воспитывает двенадцатилетнего сына и пытается записать, как щёлкают поплавки на воде.

От бассейна до первого свидания всего несколько улиц. Между городами, где у каждого своя работа и свои люди, сто шестнадцать километров. Аня покупает один проездной на двоих. Теперь им предстоит понять, куда возвращаться после трудного старта, сколько стоит пропущенный вторник и хватит ли в их расписаниях места для большой любви.

Текст романа и иллюстрация обложки созданы с помощью искусственного интеллекта.

Содержание

Глава 1. Номер восемь 5
Глава 2. Место у дверей 14
Глава 3. Голоса под мостом 26
Глава 4. Шесть красных яблок 36
Глава 5. После первого круга 47
Глава 6. Скамейка под киноэкраном 58
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Pustoy
Август на запасной дорожке

Pustoy
Август на запасной дорожке

Глава 1. Номер восемь

В чемодан поместилось всё, кроме правой ноги.

Левый кроссовок лежал под чёрными брюками, правый торчал из угла пяткой вверх. Сколько Аня ни садилась на крышку, застёжка доползала до серого язычка и останавливалась. А ведь в семь утра ей предстояло выйти на вокзале родного города в приличных туфлях, пройти по платформе с видом на фабричную трубу и сказать матери:

— Ну вот. Как видишь, я всё-таки доехала.

Она умела спать в поездах и автобусах. Однажды проспала полчаса под трибуной, головой на коробке с разметочной краской. А тут проворочалась до самого Сторожевого тупика. В сетке у изголовья лежала книга. Из-под обложки торчала серая косынка с названием клуба. В рекламном отделе «Линии» её попросили надевать косынку на всех будущих фотографиях, хотя о работе с ней ещё не договорились. Аня прикрыла косынкой глаза. Так пользы от неё было больше.

— Девушка, вы там скоро угомонитесь? — спросила соседка с верхней полки. — Я уже второй раз ваш кроссовок во сне вижу.

Аня свернула косынку и засунула в сумку поверх влажных салфеток. Сняла туфли, упаковала их пятками в разные стороны, надела кроссовки. На внутренней стороне правого носка красовалась маленькая латка. Мать поставила её год

назад, когда Аня на одиннадцать часов приехала к тётке на семидесятилетие. На латке вышила вишенку. Никто не знал, что призёрша спартакиады ездит на старты с крошечной детской вишней на ноге. Ане нравилось знать, что она там.

На платформе Аня стала искать тёмноволосую женщину в зелёных очках с тонкими дужками. Таких оказалось трое, и все трое стояли к ней спиной. Мать помахала из-за скамьи возле кипятильника. Стрижка короткая, совсем седая. В руках рулон клеёнки и коробка из-под микроволновки.

— Не узнаёшь? — сказала она. — Люба привела мастера. Домой. Он велел снять с себя всё лишнее. Я серьги сняла, а оказалось, следовало его из дома выставить раньше, чем сел показывать стрижки.

Пришлось поцеловать её в щёку поверх скользкого рулона. Мама пахла своим мылом и чуть-чуть утюгом. Когда ей хотелось кого-то удивить, она приподнимала кончик носа, словно принюхивалась. Вот и сейчас приподняла, и пропал целый год разлуки. Они прошли на площадь. Возле транспортной конторы стояли голубые автобусы, в самой конторе теперь варили кофе. Там, где мальчишками околачивались её ровесники в надежде выпросить сигарету, расставили столики. Под дальним дремала чёрная собака. Из Яровска до Каменного Лога по шоссе было сто шестнадцать километров. Железная дорога шла в объезд, ночной поезд ещё и стоял несколько часов на узловой станции. Другого способа выбраться из Яровска после десяти вечера Аня не знала.

— В коробке чай? — спросила она, когда они сели в автобус.

— В коробке люстра. Страшная, не поверишь. Нам с отцом её подарили на свадьбу. Игорь с полчаса делал вид, что ему нравится. Потом спрашивает меня шёпотом: «Если у меня под ней случится припадок, ты со мной в больницу поедешь или останешься при люстре?» Вот и запомни: если не нравится, отказывайся сразу, а то будешь до пенсии возить.

— А куда мы её везём?

— Отдавать. Мы на Шлюзовой выйдем.

— Там что у нас, реставратор появился?

— Там у нас хорошие люди, они делают чайную с ужасными вещами.

На каждом стыке асфальта коробка звенела. У люстры уцелели сорок две подвески из шестидесяти трёх. Чехословацкое стекло, розовое, с завитком синей нитки на кончике. Свадебные дарители долго на неё копили. Игорь всю жизнь шутил над люстрой, но, чем бы ни белили потолок, самолично снимал подвески и мыл каждую в тёплой воде. Теперь она ехала в чайную. Нина сказала, что хочет посмотреть, какой выйдет в ней свет без домашних занавесок.

На Шлюзовой они вынесли коробку. В бывшей разливочной готовили «Чай с обстановкой», ребята в фартуках развешивали старые пластинки на голые стены. Девушка с рулеткой и татушкой на загорелом животе указала им место высоко над столиком для свиданий. Под этим самым матовым

жемчугом вот буквально через месяц какие-то совершенно чужие незнакомцы будут ходить, задевать головой бабушкины помпончики и пытаться целоваться.

— Вот так, — сказала мать, отделяя от проволоки последний завиток, обматывавший кисть. — Будешь ездить в гости, сможешь навещать. Не надо меня так жалеть. Я с ней очень долго прожила. Теперь можно перестать вызывать лично себе вечерний отряд с паровозного завода для вытирания пыли.

— А если я её себе хотела?

Мать посмотрела, сложив руки на груди.

— Аня. Когда ты говорила у нас про неё что-то, кроме «господи, мама, зачем ты это держишь»?

Она не помнила, говорила ли. Приехала освобождать квартиру матери перед ремонтом или переездом, ей на самом деле ещё толком не сказали. Вместо телевизора хотели шкаф, машину сделать поменьше. В двух летних телефонных разговорах мама объясняла про подъезд, про пустую землю у библиотечного дома, про Любку с отличными, крепкими, ещё послевоенной фирмы автоматическими швейными машинами, купленными почему-то только сегодня, и в конце, когда по расписанию полагалось от души поздравить и пообещать вернуться, назвала желательное число. «Десятого приедешь? Только уж, Аня, сапоги свои возьми, я больше не вывожу лично за тебя одиннадцать пар сапог, ни в какие сумки они не поместятся». Что они ещё обязаны были

два раза спросить, когда каждая за минуту до разговора проверяла в своём телефоне, сколько осталось заряда?

Квартиру оказалось не узнать. Шкаф с телевизором уехал, значит, тоже ездил сначала в автобусе у кого-нибудь на коленях. Шторы сняты с половинчатого карниза, обои в гостиной пузырятся от сырой тряпки. Диван на боку в маленькой комнате. Нина указала на жёлтое кресло, которое пока никому не обещала, и на старый верстак отца в балконной стекляшке.

— Твои медали я сложила в круглый короб, где нитки. Переписывала только с фамилией. Они завтра из музея школьного придут, им отдай сколько не жалко. Сапоги в ванной. Пока ничего не делай, поешь. Хлеб в четвёртом ящике. Если тебе очень жалко люстру, я могу до обеда забрать. Будешь возить за собой по базам, когда, скажем, соберёшься выставить на продажу орден «За большую красоту» с поддержкой по общественному телевидению.

Аня пошла в ванную. Из длинной пластиковой корзины торчали две синие ласты. На каждой неровным чёрным почерком «Грибо́ва», с таким нажимом на «о», чтобы товарищи в бассейне уже при входе знали, кого имеют честь обгонять. Это она подписала их, когда ещё всерьёз думала, что будет заниматься плаванием. Плавала неплохо, но до клуба «Линия» с ластами не добилась ничего, и всю жизнь могла уверенно чувствовать себя в такой походке выползшего второй раз из океана ската только у водоёма примерно пятилет-

него размера. Если бы кто-нибудь спросил, какую вещь ей хочется забрать, не думая отправлять по адресам и резать губами незнакомый гардероб вешалок, она бы точно указала на эти ласты, которые могли бы ещё налезть на её самую главную, слишком большую для чемодана ногу.

К полудню позвонил тренер. Она приняла вызов на балконе, отставив щеколду, за которой в детстве они выходили курить с Ирой Чернавиной, и прикрылась лёгкой яблочной струёй сквозняка.

— Ань, скажи честно, где ты в принципе намерена тренироваться? — Роман Эдуардович даже не спросил, как добралась. — У себя в гостинице тоже бассейн откроют? Отдыхаешь неделю, потом общий порядок. Про следующую зиму поговорим, когда приедешь в двадцатых. Хотят у меня взять ещё двоих. По времени, ты уж меня прости, сейчас не младшие из младших на лавке. Я бы не звонил, если бы всё было решено. Выставить тебя на областной отбор могу в любом случае.

— Я собиралась начать с прогулки. Если тебе дал кто поведать, будто в Каменном Логу все вымерли, они врут. Здесь стадион, открытая вода, лёгкая и вполне съедобная. Я всё поняла про список. И всё я помню.

— Мне в эту субботу нужна твоя бумага, а я-то там поеду в пятницу. Тебе выслали, что Линде ответить насчёт съёмок?

— Я никакой бумаги не обещала Линде подписывать. За тренировки — с субботы. Снимем сначала неделю.

Он вздохнул, тяжело, как будто желание выяснить, насколько именно может подойти её рабочая нога в очередной холодный сезон, можно было высчитать достаточно простым сложением недоотправленных бумаг.

— Понял. Давай после ужина тогда хоть беспокой нас своими сообщениями нарочно. А то у тебя всё в порядке только со слов твоей же мамы.

Аня убрала телефон. Открытый бассейн «Старт» работал до середины сентября. Плавать она вроде бы не собиралась, но взяла купальник, старые ласты и мягкое полосатое полотенце матери. Дорога к бассейну шла под липами. Вахтёрша всё ещё сидела в будке, на стекле висела надпись «Запас бахил кончился. Купите тапки». На крыльце лежала белая собака в брезентовом ошейнике. Прежняя была чёрная, и Аня всякий раз носила ей в салфетке сырник.

У восьмой дорожки сидел босой мужчина. Чёрные джинсы он закатал до колен. Влажные волосы над висками торчали вверх. В руке он держал длинную удочку с серой пушистой насадкой, на ушах были наушники. Волна поднимала поплавки и с постукиванием отпускала. Мужчина опускал и поднимал свою удочку в такт воде. Аня видела, что у него под ногами собирается лужа, а он, занятый своей штуковиной, ещё ничего не замечает.

— Левее, — сказала она. — Восемь уже слева от тебя. Ногой сейчас на канат…

Он вздрогнул, поднял ногу и зацепился пяткой за стойку

с синими поплавками. Мог бы устоять, если бы не пытался спасать прежде всего удочку. Аня поймала его за голый локоть и сама поскользнулась на решётке. Они вместе сели задницами на мокрый кафель. Его висок прижался к её виску, пушистый конец удочки пощекотал ей ямку под ключицей.

Человек на полу засмеялся в наушники. Снял их и сказал на удивление ясным голосом:

— Ведь предупреждал Савину: если хочешь поймать лучший звук за день, принеси шлёпанцы. Вы как?

— Как спортсменка после каскадёрского эпизода. Можно мне скатерть?

— Вот тут какая-то.

Он подал ей мокрую зелёную тряпку в клетку с надписью «ЗВУК. НЕ ТРОГАТЬ». Наушники сползли с одного уха. Сквозь них она расслышала, как только что грохнулись они вдвоём. С дальнего конца бассейна крикнули:

— Павлович! Без меня, да? Я же просил!

— Митя, не смей ходить так быстро у воды. Подойди. Расскажешь дома.

Они посмотрели друг на друга. У мужчины были светло-карие глаза. Он заметил синяк под её коленом и, к её удовольствию, удержался от вопроса. Синяки у неё все рассматривали с таким интересом, точно по их цвету можно было предсказать результат следующего старта.

— Аня, — сказала она, снимая с уха каплю воды. — Возьмите пока моё полотенце. Вы у кого на службе?

— Илья. Сейчас здесь всё моё оборудование на службе у трёх двенадцатилетних. Меня прикрепили к нему с правом высшего гуманитарного образования.

У рыжей кромки воды присели маленький серый диктофон, кусок синей изоленты и замотанная в пакет кастрюльная крышка, которая снизу действительно прекрасно отражала трудный, шепелявый звук последней волны. Он, вытряхивая воду из джинсов, попросил Аню на секунду набрать рукой и отпустить край каната. Щёлк, щёлк — человек встал и отправился жить. Этого она никогда здесь раньше не слышала. Вернее слышала, но не могла догадаться, как это смешно — столько лет помнить одно и то же помещение с его ватными щелчками, а узнать только сейчас. Она послушала ещё, молча. Потом Илья надел Ане на голову наушники.

— Давай я проплыву вдоль буйков, и ты запишешь, — предложила она, сама удивившись этому тихому и лёгкому «ты».

— Сегодня ветер со стороны ларька. В запись влезут они все со своим картофельным мороженым. А ты где-то здесь живёшь? Можно завтра утром прийти. Погода тихая обещана.

У неё в сумке сидело непрочитанное сообщение, тренер, девятнадцать трубочек свежих тренировочных записей, материнские вещи, купальник, ласты, тряпка клуба и целый огромный август.

— В девять, — сказала она. — Возле восьмой, да?

Глава 2. Место у дверей

Люба уже сидела на кухне и вынимала скрепки из подушечки для булавок. Место ей досталось у окна, откуда была видна маленькая швейная фабрика. В детстве Аня подолгу смотрела, как там сушили на балконе разноцветные лоскуты. На соседнем стуле громоздились уже подписанные коробки. «Шерсть с люрексом, убрать от света». «Елена Георгиевна, только лично в руки». «Садовые, вынести». «Безнадёжная черепаха». Последняя была зажата между отцовским чемоданчиком для буравчиков и корзиной с туфлями. В ней вполне поместилась бы маленькая живая черепаха.

— Где моя дочь? — позвала Нина из коридора.

— Сидит в углу, думает, как меня спросить про переезд, — отозвалась Люба. — Аня, тебе кофе чёрным или чтобы ложка стояла?

— Чёрным, пожалуйста. Я ничего не хочу спросить. Чего мне вдруг расспрашивать? Мама сама в состоянии всю свою жизнь…

Нина перетащила к ним старый длинный портновский манекен. Деревянные ножки шваркнули об острые грани ковра и наполнили комнату едко знакомым разлетевшимся на щепочки звоном. Выдвижная подставка когда-то принадлежала бабушке, та потеряла третью ногу, когда несла через двор, отец поставил взамен строганый обломок качалки от

Аниной коляски. На выступе ниже колена остался странный синеватый зазубренный край. Его выгрызла Таня Жук, трёхлетняя Анина закадычная подруга тогдашних лет, выросшая в уверенную оборотистую женщину с целой коллекцией пионов и взрослой дочерью.

— Ты вчера только с работы пришла? — спросила Аня, разглядывая её на приклеенной скотчем прямо к деревянной ноге выцветшей фотографии.

— Таня сейчас в отпуске. Вчера в четыре привозила отводки из Нижнего, дочка замуж выходит. Ты беги, не надо с нами сидеть, я тебе сегодня же отдам дежурный тонкий ключ. Любе потом ещё передашь. А что тут такого? Мы третий год ищем помещение под ателье. Нашлось в Садовом. Хорошее, с электричеством только разобраться, а свет — ни у кого такого света нет. На углу стол поставишь, и даже когда глупая клиентка приходит с сиреневой тканью и говорит, что непременно хочет накрахмалить и отнести дочери шить к выпускному, поворачиваешь на локте, она сама видит — вы что? В такой цвет только для извинения можно закрыть целую комнату, и хорошо если день в году без гостей. В Садовом мы с Любкой будем хозяйничать вдвоём. Ей надоело мотаться сюда за четыре часа на автобусах. Я тоже уже не моложе нашего старого козлика, с которого ты когда-то начинала физкультурную карьеру через шесть диванных подушек.

— А жить вы будете где?

Люба поставила перед ней кофе. Кружка досталась такая, какой никогда раньше в этом доме не было, с точной надписью «20 лет успешной работы». Судя по цифре, сперва их было куда больше. Чья-то мысль напоить всех при новом предприятии комплектными кружками. Берёшь поглубже за ручку, чтобы скудные полсотни граммов на дне показались горячее. В горле нестерпимо сухо. Не из-за утреннего короткого бега, с которого она начинала столько дней в году, но по сей день, даже причиной карьерного роста становясь, не приводила к мысли «что ж, все мы той тропинкой-то ходили» про какую угодно другую жизнь её мамы.

— Вы вместе или каждую будем перевозить по отдельности? Сколько лет прошло, мама, когда вы меня собирались посвятить в свои великие замыслы? Ещё в июле ты мне сказала про маленький ремонт у лоджии.

— Рано, — ответила Нина. — Это было рано и почти смешно. У нас в первый раз хозяин снял с объекта предложение, когда мы уже ездили замерять под плинтусы. Во второй раз местный шахматный кружок, трое дедушек, внёс задаток на два месяца и остался ещё на всю зиму. Ушёл буквально в апреле, понатыкал у каждого окна гвоздей, чтобы вешать плакаты к турнирам. Теперь сейчас я решила, что могу объявить. И заодно можно перестать держать здесь всё твоё барахло. Мы с Любкой сначала снимем квартиру одну, отдельные комнаты. При ателье нельзя, туда будет приходить народ. Натяжной потолок надо переделать и санузел. Старую я

пока не продаю через агентство, чтоб тебя по средам не тормошили. Мне отдельно деньги нужны на свою долю ремонта, хочу придержать, пока цены раскачаются.

— Ты хочешь моих денег, что ли?

— Я хочу, чтобы ты решила насчёт барахла.

Никакой большой семейной драмы. Денег у неё не просили. Нина справлялась сама. Вот это как раз и обижало больше всего: оставшись без отца, Аня почему-то решила, что мать теперь нуждается в ней ежедневно. Некоторое время она брала телефон с собой в душ. А мать в это самое время присматривала помещение под ателье и приценивалась к подержанным швейным машинкам. Аня взяла кофейную ложку и сунула в рот, забыв сперва зачерпнуть варенья.

— Ладно. Я пойду, — сказала она. — Мы договорились в девять. Уже двадцать минут осталось.

В восьмой дорожке уже плавала небольшая надувная зелёная черепаха с чёрной безопасной приставкой «Для детей от трёх лет при присмотре взрослых». Её водил туда-сюда за короткую леску длинный мальчик в клетчатых полотняных трусах по колено. Ему самому явно было больше трёх и сидящая при турникете на табуретке старушка кому угодно сошла бы за надзирающего взрослого. Он принес черепаху на тот случай, если поплыть попросит, в последний раз схватившись за куртку, его младшая сестра Алиска. Алиска, узнав, что туда, в глубину, с черепахой всё равно не пустят, села у стенки и потребовала предоставить ей рожок мо-

роженого немедленно. Коммерческая ограда в фитнес-клубе «Старт» открывалась, как выяснилось, ровно с девяти. Аня вошла через боковое, как в детстве, положила полосатое полотенце из автобуса на чистую скамью под четвёртой рябиной по берегу и обернулась на хорошо запомнившийся сухой перестук буйков.

Илья в зелёных шортах и почти сухой серой тонкой рубашке сидел в пластмассовом кресле для спасателя, свесив ноги. Митя держал при нём бумажную хлопушку. Отцовские наушники лежали на небольшой, дня два уже прожившей в чёрной изоленте коробке.

— У меня вот обыкновенный двенадцатилетний хулиган живёт, — сказал, спускаясь, Илья, — а не спросишь, кто ему полчаса назад выдал разрешение войти к свободно покачивающимся людям и испортить им поначалу отличный слух свойствами своей хлопушки. Ты не боишься громких звуков?

— Я бегаю восемьсот метров. У меня напоследок даже от мирного хлопка бакланов руки вытягивались. Привет. Как живёшь, Павлович?

— Павлович мой папа, — сказал Митя.

— И какое у тебя имя?

— Митя. А зачем тогда тётя дразнится, если у меня вчера с ним спор вышел? Она тебя когда-то давно знает?

У Ильи при этой реплике сделалось ровное, терпеливое, все мелочи чужого возраста удерживающее на себе настоя-

щее школьное лицо; Аня его сразу вспомнила у своей же пожилой учительницы, когда та не хотела младшего от обиды отчаянно схватить за руку и принудить другого попросить у нас у всех прощения.

— Она меня со вчерашнего дня знает. Вполне сойдёт за «давно» для людей, которые тут всю жизнь собираются, — сказал Илья. — Мить, это Аня Грибова. В прошлом году вроде не попала на городскую доску почёта, а в позапрошлом точно висела. Спортсменка. Над водой мы договорились вместе послушать канат.

— Ты вчера сам обещал, если у меня получится поставить микрофон без шума, разрешишь мне первому запускать запись.

— Так. Кто его вчера просил об этом обещании?

— Я. Почему ты, взрослый человек, когда умеешь ставить паузу в этом месте, где она переходит от тишины к самой себе, никто тебя не перебивает?

Илья протянул ему наушники. На прохладной площадке Митя извлёк их из натруженных пальцев отца с одним настолько прелестным движением достоинства, что у Ани свело нос. От обыкновенного ребёнка трудно ожидать, что он считает себя бесстыдно маленьким. Добирается до своего ремесла и ждёт своего права не меньше, чем она ждала звонка о предстоящей заявке на работу. Он надел один наушник, оставил второе ухо для хлопушки. Её руками гладкой коричневой кожей взяли за угловатую жёсткую металлическую

стойку, проверили, нет ли в загрубевших суставчиках изгибающейся острой проволоки. Конечно, никто её не тронул.

— Ты хочешь, чтобы я специально громко плавала? — спросила она.

— Только повтори одно и то же два раза, — ответил Митя. — В одном посмотрим из воды, в другом прицепим снаряд на борту. Можно и без человека, только с человеком если дышит, там начинают другие все дышать. Смысл наснимали для музея тех мест, где мы взяли первое дыхание. У нас клуб полевого звука, три человека на это лето. Вообще очень взрослые попадаются, и нам платят мороженым, потому что мы ещё неспособны трудовую книжку сами поднять.

— Тебе её хотя бы показали? — спросила Аня.

— Два года. Они теперь электронные.

— Готова, — сказала Аня.

Вода оказалась холодная. Тёплая поддувала со стороны мужской душевой из старых подводных решёток, остальная после нового наполнения хранила крутой конский холод городской трубы. Влезали всегда по лестнице: сперва по щиколотку, потом по колено и сразу чуть выше, как-нибудь скорее оттолкнуться, пока ещё не передумала, и дать воде поднять себя, как чужое плечо. Установились вдоль серого пола на глубине широкие тёмные полосы. Только на восьмой дороге одна линия сужалась к концу, и на обеих рыжих лапках в передней части таблички бродили две мокрые голодные осы. Аня сделала подряд четыре ровных гребка, начала плыть к

концу. Руку из воды нужно приносить назад с лёгкой суховатой быстротой, не стараться слишком натужно под хлюпающий бок дышать в левую сторону. Ей нравилось так. Почти девять месяцев не ходила сюда. Поначалу вода вошла прямо в нос, и пришлось в каком-то морском выпускном «гоу» с обычной улыбкой выдохнуть в пустоту. Далеко очень. Совсем близко. Ещё пятнадцать ровных рук, и там, где загорелый человек в серой рубашке навис над колеблющимся канатом, надо как следует наступить босыми стопами на стенку и отправиться назад.

Ласты нашлись у самого бортика. Митя сдержался. Первая его реплика раздалась только после того, как она вылезла на скамейку.

— Если ты так можешь, зачем тебе по земле бегать?

— По земле я умею получше.

— Музыка, — сказал Илья, протягивая им по очереди наушник. — Дайте Павловичу два выдоха, он только перестал стесняться.

У первых гребков слышно было громко и даже как-то невоспитанно дыхание близко плывущей женщины, которого сама она почти никогда не слышала снаружи. Хлюпающее «фу!», за ним скрип натянутых из трёх разноцветных кружков буйков с чуть приподнятым металлическим началом. И с тем же интервалом у толчковой стенки стучало «та-так». Чем тише делалось дыхание, тем крепче стучало. Илья ткнул пальцем в сырое пятно на отражающем экране.

— Знаешь место? Когда пацаны со старта прыгали с полутора метров, там внизу тумба одна дребезжала. Им приходилось резинки подкладывать. Когда лежишь на воде и отказываешься тонуть, можно вот этот ответ сделать очень громким. А если просто сидишь и слышишь, оно в голове и так громче всего. Я, например, в детстве слышал в этом злое стишочье «Илья утопился — на папе женился». Не рассуждай, пожалуйста, почему злое, мне было лет семь.

Аня послушала запись ещё раз.

— Почему «получилось в восьмой»? — спросил Митя. — Мы же вчера в седьмой у бассейна ещё хотели поднять.

— У той, Мить, все подходят дверью. А восьмая береговая, запасная. Раньше сюда при тренировке пускали отставших, людей, кому тренер не велит разом умирать со всей группой, и кого-нибудь такого, как я, медленного. Можно было тут спокойно на спине поплыть, никто тебе сверху пятку в глаз не поставит. К отборному месяцу, помню, закрывалась в связи с городскими мероприятиями половина открытого зала, а в эту все равно можно было по знаку тренера уйти. Видишь, кто вон там мимо под навес бегает? Раньше у них не было этого навеса, сидели на крыльце под громким от солнца мокрым полотенцем, жевали жвачку от морской болезни, чтоб разрешили целым городом пойти в поход на двухлетней казённой барже.

— Эту запись можно ставить в музей? — спросил более деловито Митя.

— Где я плыву — можно, — сказала Аня. — Фамилию не надо. У вас нет намерения сделать «чемпионка Грибова плывёт первый раз в городе своего детства»? За это я сразу попрошу пять тысяч рублей и быстрый поезд домой, вероятно, мимо музея.

— Можем дать послушать, когда будем монтировать, — сказал Илья. — Договорились?

Открылась боковая дверь, и на дорожку вошла женщина в матерчатых рабочих брюках с зелёной полосой сбоку, близорукая, на стриженных по-мальчишечьи светлых волосах два длинных металлических зажима. Митя рванул к ней, тут же развернулся вполоборота и розовых своих конечностей с обеих сторон руками прижал к бокам. С места побежал обычным неторопливым взрослым шагом.

— Это мама, — объявил он Ане. — Если тебя поймает за едой водоёма, посадит в казённый шкаф на ночь. Потому что часто в бесплатных булочках убрали соли столько, сколько она бы там и не клала.

— Это у нас означает «здравствуйте, мама диспетчер вокзала», — пояснил Илья.

Рита поцеловала сына совсем легонько в ухо и внимательно, немножко растерянно посмотрела на Аню. Один из заколочных крючков в её волосах был погнут. У Ани, с тех пор как она дошла до такого возраста, когда горная прямая за рекой длиннее пути назад, сложилось особенное отношение к таким настоящим человеческим вещам. Ей чаще всего хо-

телось поднять руку и вернуть на место, поправить нос, залепить прореху на плече в одном и том же портьерном цвете ниток. Рита, словно догадываясь, сама вынула свой крючок, сунула в нагрудный карман и спросила у Ильи:

— Мы договориться можем спокойно? С первого сентября у нас три диспетчера уходят. Я перевожусь на четыре-пять ночных покамест, условия с оплатой приличные. Восемнадцатое вообще полпраздника. У тебя по четвергам до девяти школа и после реконструкции театр ещё? Я могу иногда на ранние, если человек на декабрь найдётся. Не хочу Митьку всякий раз по бабушкам распределять, имеем право оба согласовать.

— В четверг иногда концертный класс, вторник репетиция. Дай посмотреть раскладку; нормально объясни сразу, где тебе правда хочется остаться на ночь у сестры после вагона, а где тебя автобус утренний не довезёт.

Они расстелили над временно бездействовавшим под стеной диктофоном маленькую программку с Барахольного поезда, перевернули на чистую сторону, где Митиными сюжетными точками на восьми ступеньках был нарисован длинный рыбак, утаскивающий на палке большого окуня. Насчитали одна большую, другая неважную пару свободных часов до утра и после. Аня уже собралась тихо уйти. Мокрое её полотенце, слава богу, не успел ещё никто перепутать. Илья сквозь шквал обязательной совместной родительской работы над семейным расписанием поднял лицо.

— Аня, ты ведь тут ещё хотя бы пару недель?

— Суббота за мной в Яровске. Потом здесь, пока не выставят за люстрой.

— У нас на мосту послезавтра в двенадцать получение промежуточной записи. Можешь прийти без обязательств, — сказал он.

Она сжала в ладони свои холодные ласты. Ей понравилось, что мужчина, с которым им удалось вчера разом упасть на казённый мокрый пол и не получить ни одной настоящей ссадины, без возникшего по случаю их неловкой встречи героизма и стыда опустил взгляд на шахматку своего рабочего времени. Ей понравились его бывшая жена, ребёнок, даже навес, куда висела заштопанная записная сумка с аккуратно подрубленными концами. Может быть, вспомнив море в тепленьких коленях, она наконец научится медленно стоять на месте.

— Приду, если успею поработать, — сказала она.

Глава 3. Голоса под мостом

Двенадцать километров она в этот раз бежать не стала. Мать ждала маляра: надо отпереть подвал, вынести две рамы и ящик с катушками. Домофонный ключ у маляра не работал. До его прихода оставалось сорок две минуты, дорога к стадиону отнимала четырнадцать. Аня убрала телефон в поясную сетку, пересекла двор и побежала вокруг гаражей. Пока она будет видеть подъезд, Нине не придётся нести рамы одной.

Асфальтовое кольцо было длиной триста сорок метров. У гаражей из трещины торчали два лопуха, сразу за ними надо было перескочить через лужу. После первого круга Аня перестала замечать лопухи и лужу. Тело само подбирало шаг. На таких вот нехитрых петлях она лучше всего чувствовала, что ещё не постарела.

На пятнадцатом круге у ворот появился сухой человек с кожаными наколенниками на поясе. Он даже не посмотрел на Аню. Исправно постоял возле нининого подъезда, сказал что-то в окошко первой попавшейся машины и с таким же спокойствием развернулся.

— Вы по рамы? — крикнула она.

Человек остановился и показал на серебряную тёрку в руке.

— По ужину. А что, у вас тут уже и рамы на вынос подают?

— Извините, — сказала Аня и бросилась по широкой дорожке назад.

Её телефон, задумчиво блюмкнув, пояснил, что пропущенный вызов оставили уже минут семь спустя после того, как она эту гонку, по большому счёту, проиграла. Мать находилась внизу, в подвальчике при доме. Телефон верно настроен на отпуск. Человек с руками и прочими приспособлениями, способный увезти на машине сразу два больших промасленных ящика, на деле сделал это без настоящей драмы на домашней арене.

— А я бегаю вокруг дома из-за него! — сказала Аня, нагибаясь за свёртком картона.

— Зачем? — удивилась Нина. — Я его сюда вызвала. И утром положила ему от подвала ключ. Не хочешь — не бери так близко к сердцу каждый мой ящик. Ты после тридцати лет отворачиваешься торопливо всякий раз, как кто-нибудь собирается тебя о чём-то просить. А сама уже тащишь, не спросив.

Аня отдала матери стружку, вернулась наверх и заперлась в ванной. Сэкономила воды, оформив себе маленькую ежедневную роскошь — потратить ещё минуту, просто ощупывая тщательно вымытыми пальцами каждый суставчик под ногтем, который от съеденной морской пластинкой чуть тянул под школьной кружевной резинкой каждый раз, когда согнёт достаточно сильно стопу. За утро столько времени ушло на чужое, которое никто не просил, что стало обидно.

За годы в спорте она научилась жестоко точно определять, сколько при каком усилии держится её тело за скоростной результат, но совершенно разучилась считать в ежедневных вещах. На мост она всё же пойдёт. Если не для того, чтобы послушать под настилом старой скотопрогонной дороги скрип речной гальки, то для того, чтобы перестать хотя бы на полчаса торопиться домой без смысла.

У красного барака, возле лестницы на городской пешеходный мост, сидели ещё две участницы Митиного кружка. В высокой рыжеватой с косой как строгий морской конец узнала старшую дочку Тани Жук. Когда-то эта девочка в коляске с таким ровным неудовольствием неслась между рядами репейника, где их с матерью в первый раз встретила Аня, что ей запомнились только две сверкающие розовые пятки поверх подоткнутого к шее оранжевого одеялка. С этой самой девочкой, если её мать действительно собиралась выдавать её замуж, что-то было не так. Какие тринадцать лет? От силы тринадцать с половиной, а Нина упоминала взрослая дочь Тани, выпускное платье. Вторая, поменьше и подвижней, носила на шее мягкий футляр для очков, в котором, должно быть, помещался целый самолёт, могущий вытянуть ленту вдоль любой далёкой дороги.

— Я Вера, — сказала старшая. — Я её младшая. Надя замуж выходит. Тебя как называть, Анна Грибова или Анна Андреевна?

— Папу звали Игорь. Зовите Аня, могу даже прийти быст-

рее, если буду знать, что ко мне. А с чего ты решила, что Нади вижу тебя вместо тебя?

— У меня голова маминой тараканьей формы, а коса как у Нади. И мать всех, кого со школы хотя бы немножко помнит, в фотках потом отправляет на опознание. Вот вам, пожалуйста, Илья Павлович.

Илья шёл вдоль ряда металлических блоков со своим спасённым от открытой воды микрофоном под мышкой. Сейчас на нём были синие хлопковые брюки со смешным треугольным клапаном на одном колене, отстёгивающимся, как бумажный платок, и видавшая виды крышка от диктофона в руке. Он остановился напротив мокрой облачной тени, подаренной новой близостью реки, поцеловал верхушку Вериных тёмных волос.

— Амель, последняя батарейка у тебя?

Девочка поменьше вынула из мягкого футляра батарейку, тонкий перочинный нож, подмотанный чёрной лентой кусок капронового шнурка, две карамели, пробку, ещё одну батарейку и аккуратно свёрнутый свисток. Они загородили всё живое пространство по щёлкам деревянного настила. Ничего нельзя было уронить, не заплатив за это знакомством с городскими водолазами. Митя тем временем приехал на велосипеде один, сложил на бортике свою куртку, засунул за ремень две мелких блестящих ручки и кивнул отцу на нижний выбитый в бетоне порожек. Там было бы спокойно даже лечь, если не испачкаешь лучших штанов, однако спускаться

сверху предлагалось через ступени, а не по гибкому и удивительным образом сохранившемуся в городской жизни бревну, которого на добрых десять пальцев выше, чем могли бы дотянуться до нижнего края бетона ноги любой из девчонок.

— Аня, хочешь работать? — спросил Илья. — Сегодня у нас шумы города. Вот видишь, какая остановка. Делаем маршрут: четыре минуты отсюда до столовой, двадцать семь шагов через мост, у старого, на современной карте не отмеченного спуска, тринадцать лязгов в час. Пожилые полезут, если будут знать, куда во время прогулки легко присесть. Велосипедист увидит совсем другое. Дети, которые принимали участие, хотят, чтобы в музейном аудиогиде не было ни одной такой станции, где нормальный человек вынужден стоять десять минут, потому что писавший сценарий к шести годам уже выучил все двадцать три тома исторического альманаха Понизовья и желает поделиться с городом своей чудовищной начитанностью. Два часа сегодня работаем. Пока я тебя привлекаю бесплатным человеко-слушателем, зазнаться у тебя времени не будет.

— Меня просто привлечь, если дорогу бегом пройти можно, — сказала она. — Только гораздо быстрее четырёх минут будет.

— А если с коляской, Анютина-то мама как раз знает! — возразила Вера. — У бабушки был весь отсюда маршрут, по которому она с нами на коляске ходила. Мы в одном месте с Надькой катались, как на горке. Если там встать под пере-

мычку, слышно три железки, словно их в ладошках на перекличку швырнули. А ещё когда мама в больницу уходила, папа специально держал радио или меня — не помню, что из двух, — с другой стороны коляски. Так она привыкла засыпать боком, а я до сих пор с обоих нормально иногда сплю. Вот ставьте на две минуты раньше.

Аня уже примеривалась, как за оставшиеся сорок минут успеть и записать шаги, и пробежать четыре быстрых отрезка. Спохватилась. Дети пришли сюда на своё занятие. Всё, что от неё требовалось, — не испортить им запись и внятно ответить, хочет ли она сама в ней участвовать.

— А ты для кого это делаешь? — спросила она Илью.

— Для школьного кружка, для платной экскурсионной площадки, здесь две разные вещи. Площадка — муниципальный музей, попробуют осенью в школе. В июне мы выиграли конкурс, нам небольшие деньги на новый диктофон. Потом каждый, кто в городе согласится, оставит на сайте одну запись или целый поворот. Дед, потерявший зрение, рассказывал, как в детской его улицы на бывшем автовокзале звенит под старой газетницей трамвайный колокол. Я искал, так точно про колокол никто кроме него мне не говорил. Если не успеть его послушать, останутся только распоряжения о планировке старого доброго нового микрорайона и подтверждённые большим умом названия улиц. Короткий мост, Зелёный причал, дорожка номер восемь из «Старта». Можно уложить в двадцать пять минут. Хочу, чтобы Анну Иго-

ревну, когда она приедет с плохой погодой, этот крошечный город минут на пятнадцать мог вернуть себе без отговорок. Потом она решит, остаться или смыться, всё равно рано или поздно очень трудная беговая жизнь её призовёт.

Вера и Амель постелили под ногами розовую скатёрку. Лёгкая, с липучками и пластмассовой брелочной ручкой, она трижды пыталась улететь в реку, пока не привязали одну сторону к скамейке. Митя садился чуть поодаль от девчонок, словно боялся, что им с ним станет неловко в общем пятиточечном просторе, и держал подставленную к кругу стопу в какой-то приготовленной к бегу позе. У Ани когда-то младший брат мальчика Ромы так же ел бутерброд — небольшими укусами с краешка, сберегая самый тёплый и пахучий хвост жирной колбасы напоследок. Такая близость к чужому подсмотренному детству её поначалу не нравилась. Неприятно было чувствовать, что тринадцать лет тому назад она сама несла в автобусе свою сумку с прокладками на колено и бесстыдным, уверенным, цельным ожиданием того победного часа, когда всё вокруг притихнет вокруг её единственного шага, ради её слабенькой, только ей самой интересной тогда надежды оказаться между двух действительно великих бегуний первой. Не будут эти ни на чьей полосе два звонка производить на свете особенное впечатление. Сама помнила свою первую трудную победу, а мать — как она в раздевалке потеряла в семнадцать лет лисий хвост от подаренных бабушкой ключей.

Ели огурцы, ломая каждый не вдоль, а поперёк, иначе солонкой неудобно передавать. Амель грызла хвостик с тонким слоем белой соли, деловито сплёвывала семечки в бумагу, положенную на коленку, а потом собирала бумажки по кругу, как для общей медицинской переклички. Вера подбрасывала на носу маленький шарик. Илья положил возле Ани заботливо упакованный в половину газеты конверт с сообщением от районного городского отдела, что запись будет включена в музейный проект только при согласии всех участников. Ане следовало подписать, что она разрешает оставить позавчерашнее плавание без упоминания имени, если к концу ознакомления сама этого захочет.

— Тебе ещё надо, чтобы я подтвердила, что сделано в восемь утра?

— В девять, Аня. Ты мне не отдай сейчас лучший час из своей жизни, я не знаю, чем тебе расплатиться за это. До начала сентября будет время, после ещё один раз послушаешь.

Человеку, который работает на дистанции минутами и даже из детского влажного ветра сразу чувствует, что лучшей части минуты не хватило на принятие решения, может сильно понравиться чужой способ придержать момент и не сразу бежать за ним с тяжёлой палкой. Ей понравилось.

— Так можно? — спросила она, сдвигая два указателя на экране его аппарата. — Жёлтый сюда, второй правее. Мне бы, если делать что-нибудь вместе, хотелось пробежать от твоего порожка, где Митя страшно скользил, до ворот ста-

диона. И в трёх остановках по пятнадцать секунд послушать. Например, как звучит эта дорожка, когда ты медленно стоишь и дышишь, когда ты бежишь. И когда уже добежал и сел. Чтобы тот, кому хочется почувствовать город с земли, мог выбрать скорость сам, а не слушал про восемьсот метров, которые ему с таким удовольствием сообщат заводские газеты, на обычных чужих ногах.

— Это хорошая тема. У нас полторы минуты остались до общего маршрутного времени, как раз. Ты придёшь через несколько дней?

— Хорошо, если тренировка не понадобится в то же время. Сможешь подвинуться на полчаса, если я позвоню и попрошу?

— Смогу. Схожу пешком, тогда успеешь меня обогнать трижды.

Он щурился от солнца, не прятал от него глазам светлую подпорку ладони, и трудно было теперь понять, то ли он улыбается, потому что хочет просто улыбнуться ей, то ли дразнит, не в силах избавиться от властвующей над его взрослыми лицевыми мышцами улыбки построителя никаких вообще парадно-строевых планов. Рыбак внизу поймал одного окуня, выпустил и другого тоже достаточно скромного. Выровнял на граните полотняный подсак и остался сидеть так до удивительно быстро пришедшего времени уходить. Здесь всем было зачем вернуться — Мите вначале послушать корзину, потом сходить к матери на вокзал, Вере помочь с дво-

ровой свадьбой сестры, Амель снова привезти старшей разболтанную велосипедную фару и ускользнуть во двор разбирать нераскрываемые приключения одного кожаного ключа. Аня допила воду. С высокого спуска появилось заметное даже на таком свете её единственное, больное шесть месяцев назад, абсолютно любимое жизненное желание ещё немного постоять с этим высоким, покачивающимся на мосту человеком прямо у воды.

— Не бывает, — сказал Илья, — что у тебя вообще никогда в жизни нет времени для дела, которого незачем делать?

— Бывает. Я вот сейчас, по-моему, пытаюсь.

И тут он правда улыбнулся.

Глава 4. Шесть красных яблок

На вешалке висел её первый гимнастический купальник. Хлопковый, с красными лямками. Резинка понизу давно одеревенела. В детском легкоатлетическом клубе в таких делали махи возле стенки и учились перепрыгивать через первые барьеры. По всем приметам эту вещь полагалось оставить себе на память. Аня положила купальник на дно коробки из-под чая. Коробка оказалась длиннее купальника. До чего же она была маленькая в те годы.

— Не трогай, — сказала мать. — Он четыре года тут живёт, по нему видно даже время дня и нравится ли ему, когда на окне чешут старьё.

— И в Садовой ты его возьмёшь?

— В Садовый посмотрим. Я свою Любу даже когда-нибудь в театр свожу. Себе купила костюм новый.

Аня распределяла по трём кучам вещи, которые вспоминала конкретными событиями. Платье от выпускного. Синее, из дешёвой гладкой тафты, перешитое впоследствии Ниной на фигурку её гораздо более тонкой и сбоку коротко-плечей ученицы. При входе в актовый зал тогда сдохла батарейка на городской камере, и в школьный музей оно так никогда на плёнку и не попало. Павлиний зелёный топ на одно плечо, который она в девятнадцать лет купила у женщины на вещевом рынке возле Арбуза и на первое свидание с че-

ловеком по имени Антон надела задом наперёд. Антона она после не видела с тех пор, как тот выиграл в лотерею путёвку в Подмосковье. Изредка попадались снимки: он в клетчатой рубашке с кофейной крошкой на щеке, он в горах Алтая с загорелой длинноногой женщиной, он с двумя малышами на шее и очень дорогим вещевым ремнём. Топ сохранился лучше человека, о котором память хранила уже давно одну только короткую поездку на лифте в домике у «Арбуза» и то, как он подержал её локоть ниже отвисавшего тропического рукава.

— Что это за пакет? — спросила Аня, чтобы не заниматься ещё какой-нибудь личной археологией. — Яблоки хорошие? Вы их под машинку новую хотите?

— Это в Садовый. У хозяйки дома, где квартиру нашли, внучка с одним продолговатым желанием жевать исключительно красные яблоки. Я такие вырастила у садовой калитки. Ты со мной не собралась к ним прокатиться? После обеда туда и обратно, три с половиной часа. Я ещё не знаю, что ты здесь делаешь до пятницы. Мы вчера видели твою Варю в городе, она с отцом в магазине сколько-то веером выбирала.

Холод под солнечным сплетением Аня почувствовала прежде, чем услышала головой вполне ясную материнскую интонацию.

— Варю Лину? Здесь?

— Лину. Видела её и плохо одетым прошлым летом, и теперь, ничего не меняется. Пришла в розовой, ненавистной

мне куртке на резинке и с такими же, как у тебя, чистыми новенькими кроссовками. Они от неё сбоку наружу идут, а у тебя всегда носки друг друга щупали. Она на следующей неделе в розыгрыше будет. В нашем городском на стадионе уже трижды была, и ни одна из вас не пишет, с чем вас условно поздравлять. Если вы сами порадуетесь, я спокойно мимо пройду.

— Не с чем пока. Для меня пока вообще одна тренировка. Я поеду с тобой.

В Садовый пустили новый межмуниципальный автобус, с длинными широкими резиновыми ступеньками и плотным, охватывающим шею тёмным чехлом на голове каждого кресла, как у водолаза. Мамина ровесница с зелёными платочками в двух нагрудных карманах долго и настырно отказывалась брать у шофёра законную распечатанную из кассы сдачу. Отказывалась не из-за бесконечного своего умения уважать любое проявление чужой работы. Хотела, чтобы дали на ладонь, не бросали в тарелку перед ней: у неё плохо слушаются пальцы. Теперь в кармашках имелись и записка куда ехать, и футляр с нужными в автобусе мелочами; другая за такую вернула бы полкило яблок материнской неназванной хозяйке. Ане почему-то эта короткая сцена напомнила Варю, как она пыхтела у нагретой солнцем стойки выдачи обуви, добиваясь, чтобы раздали им их пары, а не положили в один чёрный пластиковый пакет «комментированная укладка». Та просьба не случилась во взрослом мире большой лич-

ной историей. Варе на глазах у непонятной публики вернули в конце концов её огромные, на номер больше нужного, новенькие шиповки. Всё остальное отдали Ане. Ей же вручили то утреннее «добрый день, Гриба, мы решили, ты на выходе с виража сразу держишь первой свою линию». Тогда она согласилась и, переодеваясь, встретила Варин спокойный взгляд. Не вышло из горла ни одного, даже самого простого слова, с которым могла бы подойти и предупредить.

Дорога в Садовый входила на горке, между двух бывших совхозных домов, у каждого на лужайке под фартуком речных деревьев набирались высокого жёлтого сока небольшие помидоры. При доме быта уже водрузили вывеску «Две Нити». Буквы шли на разных нитках, любовно вытканные матовой винной и серой краской на загрунтованной сколоченной дощечке. За вывеской у каменного крыльца тоненько звякали при их приближении струнные отзвуки колокольчика от швейной машинки: шажок, и чугунная ножка под небольшим кожаным клапаном уходит вниз, звон. За дверью вместо диванов пока стояли на четырёх углах огромного помещения два старых кинокресла. У маленькой плетёной конторки по сравнению с ними был загородный размах. Она давала клиенту возможность присесть, разложить пальцы прямо на лаковые короткие выступы и забыть на десять довольно полезных минут, что приехал отдавать немедля и русским языком предупреждал, что не хочет зелёного машинного шва по всей длине фиолетовой ткани для свадебного платья.

— У вас здесь… — сказала Аня, охнув.

Она ожидала застать две потёртые машинки и одну потёртую вывеску, а увидела светлую мастерскую с двумя здоровенными столами на одной подвижной станине, столы ездят на одном крыле каждый к своей стене или в середину — когда приходят покупатели болтать, бесшумно разъезжаются. Два зеркала. В одном человек выглядел на пять дней моложе, в другом ровно таким же, каким приехал. Не вредное и вредное, как в обычном любимом мужчинами представлении о женском хрупком тщеславии, а ровное дневное и вечерний раскалённый свет. Настоящему пальто, сколько ни зарабатывай за сдельное шитьё, положено выглядеть достаточно вселяющей надежды вещью и там и там. Из стены торчали старые добрые батареи, у них ещё не прокрашивали каждое второе ребро и ждали замеры мальчишки-электрика. В середине на раскройном столе лежало радиоуправление с длинной белой ручкой для проводки широченной холодной шторы. Мать со всего размаху положила на него свой локоть и улыбнулась. От левой стены прямо по коленям Ани двинулось четырнадцать метров небесно-голубой очень дорогой ткани. Вот это не похоже на сдачу в комиссионную лавку нужных людям старых вещей, от которых ей при жизни родителей хотелось бы уже самой не зависеть. Вот это и было их будущее.

— Мы себе делаем нормально, — сказала Нина. — В шестьдесят один год начать с помойки — знаешь, пускай по-

моложе начинают. У Лиды на счету два с половиной миллиона лежит, у меня на одних шубах за последние годы накопилось прилично. Я про каждую свою крупную покупку большей частью думала сама. Правда ты с тех пор, как мы получили с отцом от района ту квартиру, считаешь, что никаких мыслей мне не положено иметь, кроме того что спела маленькая Аня на новогоднем концерте?

— Любы, — поправила Аня.

— Любы. Лида — сестра её старшая, вместе начинали. Она хозяйка помещения. Живёт в Шумерле, сколько лет добивалась, чтобы мы приехали. Если бы это десять лет назад кто-нибудь устроил, я бы тебя к ним же привезла, а сейчас не хочу, чтобы ты решала, куда деньги нам класть. Не в смысле что я секретничаю, а что сама умею.

— Мам, а почему ты спокойно можешь выставить меня за дверь, разложить по всему огромному городу нашу с тобой квартиру, когда я понятия не имела, что это так срочно?

— Тебя за какую дверь выставили? От твоей у меня ключей нет. А из детской комнаты ты в девятнадцать уехала жить по своей жизни и потом в ней жила. Я за это платила. Теперь, раз так больно тебе слово «моя» подставить, получи его просто от меня. Квартира моя. Мне со своей работать здесь надо, я одну эту возможность получила на свои деньги в шестьдесят один год. Единственную пока. Не очень хочу, чтобы она на моей пенсии развалилась, пока гадаю, как с детскими шиповками, честное слово, последнее место в подъезде до-

везёт твой курьер. Можно я хотя бы в своё время один раз поживу, Анна Игоревна?

Они передавали яблоки в доме совладелицы Лиды; та с утра как раз поставила Люську с чёлкой похожей на гусиную лапку у окна. Шесть красных яблок легли на седьмое, жёлтое, которое та спрятала от города за хрустальной ладошкой своей первой письменной награды. Малышка отнесла яблоки к стене и уложила в ряд вместе с мячиками и дурашливой крошечной куклой. Открыли новый компот. Горло Ани приняло густую сладкую жидкость, и жизнь вокруг можно было отчасти считать своей даже при таком долгом возвращении домой. Она вынесла на балкон солонки, за ними сахарницы, заодно помогла маме разобраться, как на открытом с краю городском корыте повесить перекинутый через верхний турник новый бирюзовый тент. К тому времени, когда они вышли обратно на дорогу к городу, ежедневное непреходящее солнце ещё раз оторвалось от воды и на минуту повисло у четвёртого облака. На телефоне Ани пришло сообщение от нового номера: «У нас свободных девяносто секунд, на самом деле сто десять, если первые двадцать с громкостью работать. Можно тебя позвать завтра на школу? После четырёх. И.».

Под буквой «И» ей хотелось в этом сообщении услышать скорее его низкий обыкновенный голос, чем сухую ненужную ближнюю память про какую-то преподавательскую должность. Она отправила: «У меня вечером ОФП. До

полпятого свободна, могу к трём? На вторую половину не рассчитывай». Из телефона вскоре выпало «Просто зайди что-нибудь поесть. Дома буду. К двум можно, полчаса послушаем». Локация, шестой корпус, тридцать седьмая квартира, ярким огоньком всегда мелькавшая на мамином экране кухня лишь на нём одном отказывалась становиться навязчивой металлической равниной. Она подумала немного и вместо обычной суховатой галки по умиротворению смайликов написала: «Хочу. С меня вот такие яблоки, у меня ещё четыре есть».

В ту ночь Аня долго не спала. На книжной полке у окна стоял пузатый белый корешок, который в детстве принадлежал её отцу: большая книга про знаменитого путешественника, где каждая глава названа особым, перед этим им никогда не пережитым уловом. Отец никогда в своей жизни не ездил за океан, южнее Волгограда не заезжал даже в научной предательски длинной командировке с полевым водительским удостоверением. Когда у них заболела бабушка по отцовской стороне, родители целый год не ложились вовремя: мать везла бельё, отец заплетал чистые косы, меняли кровать, учились собирать кресло с выборочным прямым ходом для бабушкиных прогулок по коридору. Никто их тогда не спросил, выписали бы они себе на какую-то ещё другую жизнь новую бумагу, если бы такие на почте стоили в два раза дешевле обычной подержанной квартирной мечты. И как бы выглядел отец, если бы знал, что его Нина получает

в шестьдесят один свой большой домовой свет и станину для четырнадцати метров штор? Не получилось у него лихо скукожиться в старика, как старый книжный путешественник, который плавал по любым делам всю долгую жизнь, обижался помалу и только в семидесятой главе стал сдавать зрением. Поэтому и мать должна жить как хочет. Аня знала. Только никак не получалось на этом удобном для неё правильном выводе уснуть.

К двум на следующий день она отправилась к Илье, захватив красные яблоки. Набор столовых приборов, который собиралась взять с собой неизвестно зачем, в последний миг оставила у двери. Илья открыл ей босой, в белой рубашке с мелким серым горошком. Узкий коридор был наполовину перегорожен пианино. С него сняли правую стенку, в распахнувшемся нутре розовели суконные молоточки. Из-за инструмента поднялась тонкая длинноволосая фигура в чёрной майке. Кажется, жена, успела подумать Аня.

— Да не жена, — сказал с порога Илья. — Это мой брат Вовка. Если родители учеников спрашивают, как заставить сына постричься, я показываю фотографию брата. Вопросы обычно отпадают.

Вовка поправил прядь за ухом и выпрямился. Ему было немного за двадцать. Аня смутилась, а он, видно, давно привык к этой путанице.

— Я хотел продать пианино, а Илья взял и разобрал. Теперь что мне в объявлении писать? Самовывоз одной боль-

шой и сорока семи маленьких частей. Скажите, вы с ним и правда только на этой неделе познакомились? Мне-то что, я просто первый из братьев успел посмотреть.

— Сейчас уши тебе оборву, — пообещал Илья. — Аня, если ты боишься большой родни, самое время спасаться. Нас четверо братьев. Мама уехала к младшему, Митя сегодня у Риты. За настойчивые семейные расспросы временно отвечает этот длинноволосый гражданин. Рыбу ешь?

— Ем. Яблоки будешь? Шесть было, две мы на пробу съели.

Домашний обед спокойно уместился в двадцать пять минут. К рыбе имелись тёплая, в меру просоленная картошка с веточками укропа, кусочек лимона, ложечка чесночной сметаны и зелёная, разбухшая от жара июльская горчица в старой толстенной банке из-под настоящего рижского бальзама. Анна ела, не прибавляя к сложным спортивным существительным никаких особых тренировочных обстоятельств: просто рыба с картошкой, просто Илья двумя ложками проводит по верхней стороне спинки и без единого усилия вынимает из своей порции безукоризненно белый хребет, женщина напротив может не краснеть за ту безнадёжную стаю мелких косточек, в которую она благополучно превратила свою.

— Расскажи, — спросила она, — почему ты нас позвал домой? Можно было в школе послушать, можно у моста. Наборщики здесь тоже бывают на обеде, да?

— Наборщики, почтальоны и продающие картины сельских трудяг. А тебя я позвал, потому что хотел тебя увидеть. Тебя это настораживает?

Она опустила вилку. Когда человек не кликушествует — «я чувствую глубокую душу, мне даровано, вы мне вчера на мокром полу открыли молодость» — и не лукавит, а просто говорит вслух, ради чего накрыл на двоих, возникает в конце простого обеда особенное благородное молчание. Рыбы почти не осталось. Она вынула из своей порции кусочек хвоста, поделила надвое. Он усмехнулся, взял кусочек пальцами. Стало некуда девать руки, поэтому с удовольствием съели оба выщипанные им белые чистые кости из-под запечённой рыбы, весь дым над ними чуть дрогнул.

— Мне кажется, меня это устраивает, — сказала она.

Вовка, оставшийся у пианино в коридоре, наконец взял аккорд. Аня обрадовалась. Теперь можно было помолчать, а сквозь музыку тишины между ними никто не услышит.

Глава 5. После первого круга

На стадионе перенесли вход. С дорожки у прыжковой ямы тянуло тёплой резиной. За оградой двое размечали площадку для городков. Крупный мужчина в майке с гербом прошлогоднего полумарафона поставил ногу на складной стул и принялся завязывать шнурок. Он так долго возился с узлом, что Аня успела подумать, как сама однажды станет седой пожилой тёткой и какая-нибудь нахалка в шиповках задумается, не слишком ли она стара для этих мест. Мужчина в кепке поднял голову и улыбнулся.

— Грибова, ты на разминку? У меня две белые подошвы с синим краем. Хотел тебе позвонить на прошлой неделе, а родной твой номер уж помер, должно быть.

Это был Борис Андреич, её самый первый тренер, которого она давно не узнавала без широких отросших за ушами бакенбард, завелись они у него в последний год работы с ней и убежать из её пятнадцатилетней головы не собирались. Учился когда-то на судоводителя, в секцию попал случайно, лучшим в области никогда не становился и своё полное жены и троих дочерей хозяйство делил между утренним домашним расписанием и постоянной потребностью города в работающих руках сорок три года. Впервые в жизни Аня отказалась мерить чью-то благодарность зарегистрированным беговым временем именно из-за него. Однажды они вместе

ехали на сборную сессию, он вёз направление за свои деньги и пять первоклассниц в розовых носках. Раньше её это злило: не сидят спокойно перед стартом, какая с них спортивная строка, кому потом на следующем отборе придётся с ними мучиться, чтобы не заплакали. Он тогда вышел из автобуса раньше, перевязал всем шнурки и девочке, которая заняла последнее место в младшей группе, показал по дороге на автобус у самого высокого бордюра след кошачьей лапки в сером старом асфальте. Девочка перестала реветь. Вот, собственно, и всё его чемпионское достижение. Аня через два года бегала уже в другой городской школе, на автобусе туда ехать три столба через речку. Результаты поползли вверх. И всякий раз, возвращаясь домой, записывала у Бориса Андреича чужие времена в яркую тетрадь, потому что однажды он тоже вот так вытер ей нос большим пальцем и не стал даже на секунду смотреть на часы.

— Я же вам номер давала. — Она подошла и поцеловала его в висок. — Как Роза Фёдоровна?

— Очень даже, — сказал он. — Дом напротив купила с дочерью. В Ваших Садках отлично растёт то, что посадишь. Можешь прямо сегодня взять с собой молодую картошку. А я сам на новом номере тоже уже бог знает сколько, ещё в марте квартиру переоформляли. На эллипс хочешь? Только спокойно по стадиону, не одна ведь пришла. Там сейчас четвёртый класс слева народную дисквалификацию выдумал, а по правой дорожке у меня разминаются для пятничного кон-

трольного юниорки. Хочешь в третьей начать?

Только подойдя к третьей, Аня увидела Варю. Возле ямы с синим поролоном стояла высокая узкая спиной женщина в красном бельевом топе, с развешенными по руке тяжёлыми ушами от индейки, как они называли лохматые разогревающие вкладыши в мокрый беговой костюм. У ноги слева стеснялась мешать совсем молодая пара. Парень в пёстрой куртке то и дело поглядывал на телефон, где уже вырисовывался будущий промежуток определённой длины. Варя ставила пятку точно и деловито переносила бедро в сторону, опираясь узкой ладонью на повреждённую времени страховочную стойку.

— Доброе, — сказала Аня.

Из-за Вариного плеча показались тёмные испуганные глаза её собачки сома. Именно сома, потому что животное, подаренное в прошлом году Варе мамой и никогда не снимавшее с себя превосходственного выражения постоянного недоверия к щучьей породе, с трудом удерживало на ножках округлую, ещё не вполне отошедшую от прошлого зимнего сезона тушку.

— Булька, сидеть, — сказала Варя. — Смотри, у меня хвост, который однажды погиб из-за моей надежды на прекрасную частную жизнь. Не сдали родители в загородный отель, хоть им стыдно сказать в живом обществе среди прочих свободных людей. Сегодня на двести?

— Здесь просто разминаюсь, — сказала Аня.

— А я пять по две сейчас немного расшевелю колёса. Если не приспичило бегать одной, давай вокруг нашего колеса десять минут полетаем. Не гуди, Рома, это ненадолго. Он меня в кадре снимает, мой двоюродный. Раз за лето снимаем, иначе в телефоне только собака да я с открытым ртом.

Заскорузлым показалось чужое предложение. Никогда, сколько ни бегали бок о бок, Варя не подходила к ней с этими словами, без знака, без короткого, с изножья вверх, похабного посвиста, с которым их общая прежняя команда в лиге возвращалась с самых лучших и самых провальных в их короткой спортивной жизни эстафет. Может, научилась не обижаться. Аня затянула вторую петлю на левой кроссовке, закрутила волосы над короткой рыжей шеей и кивнула долговязому Борису Андреичу.

— Две десять в этом году целишь? — спросила Варя, когда первые удачные сто метров воздуху у горла спокойно хватало на все слова. — Они сейчас контроль поставили на двенадцать, чтобы потом отдельно решить. Нам-то будто не знать, как там выбирают, если в одной группе три результата с разницей в десятую. Самое трудное — протокол подписать так, чтобы лишних денег на подготовку по расписанию не раздали.

— По контракту обещали дать до начала сборов. Две двенадцать, разменять для начала.

— Понятно. А у меня сезон пока хороший, чуть ли не впервые не махнула два месяца из-за стопы. Работаю в том

году после «Грани» отдельно по силовой. Нас не беспокойся, Роман Эдуардович сам снял с прошлой премии и твоё, и моё главное свидетельство. Новое, значит, в нашем добром доме подают половинками?

— Ты меня вот этим «нас не беспокойся» трогаешь так, что сейчас будет очень приятно разминаться среди людей. Ты на какую команду теперь заявляешься?

— А ты зачем спрашиваешь?

Пришлось пробежать ещё половину виража. Из-под подошв поднималась такая летняя сильная густая пыль, что недостаточно чистый ветер приносил им обеим вышедшую к трём часам в личное плавание крапиву. Пробежала. Аня уже чувствовала, как пришла согнувшаяся до конца можно ещё потерпеть волна знакомства с живой дорожкой, не хватило лишь одной привычки. Оглянуться на тренера, сначала налево, потом быстро под правую руку на Варю, чтобы ни один бородатый юнец на первых же двух кругах не полез ребром между ними. Здесь собственно это никому не пришло бы в голову. Тренер на краю поля расставлял на кордоне наполовину спавших девочек с теннисными ракетками, требовал проверить, обе ли подруги играют, не нужно ли ещё одной живой человеческой ступни для их давно разболевшегося воображения.

— Я спрашиваю, потому что надо у тебя просить прощения, — сказала Аня.

— Я не спрашивала, долго ли ты ещё будешь стесняться.

Какой темп хочешь держать на последней двухсотке?

— Никакой, мне нужно до двухсотки решение. Варь, я знала, что Роман Эдуардович тебя не предупредил. Он сам сказал, чтобы мы с тобой, как на зарядке, поменялись на ходу, он сказал, что сейчас можно обойти свои места по краю. Что если я не разгонюсь до шестисот, мы оштрафуем сами себя в командных. Кто в движении разберётся, где строем, где чья смена. Мы обговорили одно, у меня с ним вышло другое, и я руки развела, встала в створ. Шла прямо перед тобой под внутреннюю бровку. Не там, где ждала. Ты ударилась о скамейку? Наверное, я тебе шиповкой достала.

Варя чуть сбавила темп, словно нарочно проверяла, так ли важно дать Ане время справиться со стыдом.

— Шиповкой мимо. А ты ещё весь прошлый август ждала, что я тебя попрошу рассказать по второму разу, как ты это делала, не правда ли? Брось. Я подошла сюда с папой за майками, я уже давно обошлась без тебя на эту тему. Есть вещь, которую ты не знаешь. Я после этого квартал работала на сменах у сестры. Премию не дали ни одной: карточки с местами по договору с городом шли на обеих, и ты схему нашу сменила. Я третий раз только в платежке это увидела. Может, ты не знала, что я эти премиальные уже давным-давно считаю себе в квартплату, не в печенье на закуску. Но ко мне домой ты ведь ни разу не пыталась зайти, не написала, чтобы уж точно узнать.

— Мне боязно было, что ты пошлёшь.

— Может, и послала бы. Дело в том, что ты-то потом получила персональную выездную ставку. Я яровским тренерам сказала: сорвались под кривой раскладкой на последнем перестроении, попытались выиграть в чёртовом «а вдруг». Я их целиком под это подписала, даже не была уверена сразу, что они про твоё одиночное указание не договаривались с судьёй. У меня в рабочей книжке след остался: плохо понимает партнёра на бегу. Надо мне теперь доказывать, что людей, которые со мной рядом, я всё ещё слышу хорошо на равных основаниях.

— Ты хочешь, чтобы я написала, как было? — спросила Аня.

— Нет. Я сама напишу. Ты согласишься показать, что я не вру? Потому что по голосу режиссёра трибун легко понять, какой спортсмен новому городскому празднику нужнее.

Они добежали до их старой дорожки, у которой начинался край сектора любительских прыжков. От длинных лёгких ступней уже оставалось по сегодняшней погоде достаточно впечатления на пальцы. Сяну ло зелёным на мокрой, разогретой подошве травой. Варя продолжала бежать, как умеет хорошо бегущая женщина, когда солнечная сторона разворота наконец приходит в сердце и неизвестно ещё, встретимся ли мы с ней завтра на большой части новой командной жизни, а бежим уже сейчас, девять десятых от максимума, плавно и просто слишком быстро для разговора. Тело Ани услышало и послушалось. Чуть опоздала с правым локтем, заставилась

держать своё расстояние от внутренней полоски и другая известная ей чудная судьба, бегущая рядом, отметила это, не поднимая головы, с обычной своей упрямой, широкой, радостной улыбкой.

— В том-то и дело: я не вру, — выдохнула Варя, — я теперь совершенно правда другим человеком стала. Не буду ради тебя никого печалить лишний раз.

— Напишу. Или скажу. Можем вместе сегодня после тренировки. Мне к своей заявке у Романа взять бумагу.

— Тогда заходи. Булька опять тебе извинения в виде целой жареной индейки предъявит.

Она остановилась у лавки и пошла своей размеренной походкой в сторону девочек с ракетками. Бросила назад один короткий, почти любопытный взгляд.

— Кстати, я не знаю, радует тебя это или нет. Слышала на площадке, что вы с Ильёй Плотниковым в «Старте» устроили публичное место для поцелуев. Мама одной девочки нашла запись на чужом телефоне. Вряд ли кто-то вас специально снимал, звук ловили, у них этот дурацкий кружок очень известен.

— Там не было поцелуев, — сказала Аня.

— А я туда вообще не хожу, люблю тебя как в начале предыдущей истории, не сильно. Я чтобы ты знала вовремя. Здесь все знают, кто чем занимался ещё до башен, а потом начинают объяснять.

В штабе во второй половине четверга Роман Эдуардович

держал на столе семь заявок на этот областной август. Одна на тихом, родном Ане сером картончике с её первой вернувшейся семь месяцев назад датой, две на белой, остальные подшиты к тонкому резиновому краю общей папки. Подвинули ещё один стул. Разобрали два эпизода прошлой «Грани». Тренер смотрел на обеих как на давно прошедшую его минутную неисправность: вот ведь, стукнуло прошлым летом, а игнорировать уже нельзя. Пришлось вспоминать и те четверть часа после, когда в раздевалке Варя ещё ничего не знала и кляла себя, а Грибова молча отворачивалась от неё, хотя заплата со временем, может быть, и прикрыла бы чужое больное место. Борис Андреич, с утра не ждавший этих троих в своей родной конторе, вынес свою большую подтекавшую кружку за порог, чтобы дать им произнести это с единственно важными людьми сразу.

— Она права, — сказала Аня. — В остальном как хотите, я уже видела, чем кончаются такие разговоры на троих.

Роман Эдуардович покосился на мокрую подпись молодого городского судьи, поражавшую, как это всегда бывает, половинной своей отчётливостью и неполным хвостиком буквы «б». Кто записал в характеристике Варе, что она теряет взаимопонимание? Двое тренеров и спортивный директор «Грани». Сами же бегали по объявленной одним из троих причине. Нельзя всё перевернуть и подарить ей три невозвращённых промокших месяца за одну короткую встречу в разгар непогожего августа. Но можно внести уточнение в

карточку команды и подтвердить его при ближайшем начислении: сменили тактику без предупреждения партнёра. Вопрос предоставить лиге, чьи люди вычисляли и печатали.

— И Ане персональную обнулят за тот выезд? — спросила Варя.

— Вопрос не в этом, — сказала Аня.

— Совсем не хочу, чтоб тебе задним числом обнуляли твой заработок, — вздохнула Варя. — И что ты про меня такое думаешь? А гарантировать вы можете, Роман Эдуардович, что запишут это со слов обеих? Мне не надо, чтобы через неделю забыла одна, что другая приходила.

Так и ушли, имея в Вариных руках одну неподалёку от простого недовольства стоявшую страницу. Не прощённые друг другом навсегда друзья, а две рядом бежавшие женщины, однажды не давшие ничего похожего на правду меньшей, чем их скорость, той неловкой стороне дороги, где всё оставалось вплоть до сегодняшнего дня совершенно неподвижным.

Аня разглядела новую бумажку под графином с водой, когда вышли. Илья писал: «Завтра вечером музыка в Сквере кино. Работающих попрошу на час уйти с работы, а спортсменок не имею на это права. Но я бы хотел, чтобы ты пришла. Просто так». Она стояла перед свежей короткой травой на поле. Настоящий бег в той части мира, где ни человека звуком не удержишь, ни человеку на трибуне не объяснишь каждый его дурной побег, всё-таки оставался чем-то, для че-

го по утрам хочется вставать.

«Приду. У меня вечером короткая, но руки свободны. Брось, пожалуйста, точку в карте».

Глава 6. Скамейка под киноэкраном

У раскладного стула, который Нина дала Ане на вечер, только одна ножка была без обмотки. Аня сначала посмеялась: ещё стул с собой тащить ради фильма. Потом дошла до трамвайной арки и увидела, сколько людей несли к реке точно такие же стулья. Один вёз походную табуретку на детской коляске, другой нёс высокий рыбацкий складень на манер заблудившегося телёнка, всеми четырьмя ногами кверху. Над сценой только устанавливали матерчатую крышу. Музыкальную часть собирались начать до заката, чтобы старики успели посмотреть её и уехать последним автобусом. А как только солнце уйдёт с белого экрана, обещали фрагменты немого кино с живым сопровождением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.